

Сергей ДОРЕНКО:

Я буду говорить открыто

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Меня не надо умолять, я сговорчивый. Вы все-таки оглядывайтесь, что делаете, думайте больше. Не надо так рабски, как вы перед Березовским.

— А поконкретнее нельзя?

— Как вы додумались до такого: если Березовского не любят за то, что он еврей, пусть у меня будет и еврейская кровь.

— А если за это будут расстреливать, то я, как датские монархи, нарисую звезду Давида у себя на рубашке.

— Эльвира Алексеевна Фадеева. Сергей Леонидович, поздравляю с блестящим возвращением на голубой экран, надеюсь, надолго. Гладиаторам всегда достается, вы держитесь. Сейчас террористам приписывают бескорыстный героизм. Как это можно?

— Да, ложный романтизм может людей захватить. Тем более у молодежи часто нет позитивной ориентации, они не знают, зачем живут, не верят в смерть. Вы правы, важно показать им, что это разрушительно.

— Настя, Москва. За кем из наших телеведущих будущее?

— Я могу рассказать о людях, у которых прошлое, а будущее не знаю. Наверное, стал старым пнем.

— Перестаньте.

— Я серьезно, я еще Юрия Ростова помню. Мы с ним на «России» работали, и я в него столкидал, когда он язвил в мой адрес. А он кричал, что на телевидении не дерутся. А я говорил: очень даже дерутся, сейчас покажу как. У меня нежность к своему поколению. Я работал в международном отделе ГРИ ЦТ (Главная редакция информации Центрального телевидения Гостелерадио СССР). Там были Владимир Молчанов, Евгений Киселев, Татьяна Миткова, Александр Гурнов, Юрий Ростов, другие. Вот про них я все знаю, а про нынешних... Да я, стыдно признаться, и телевизор-то не смотрю.

— Антон, Ярославль. Как вы относитесь к слухам о вас?

— Живу вне зависимости от них. Классификация меня и реакция на меня — дело классифицирующих и реагирующих. Меня это не интересует.

— Вы сейчас на ТВЦ?

— Это не ТВЦ, это «Третий канал», он идет внутри ТВЦ.

— Говорят, Киселев приглашал вас на ТВ-6.

— Я заходил к нему летом, чтобы пристроить своих ребят. Никаких предложений он не делал, никаких ответов от меня не получал.

— И не хотите?

— Я жду ответственных предложений со стороны владельцев любых каналов. Условием моего прихода на ТВ-6 на должность генерального директора было получение 25% акций канала. Акционеры не согласились.

— Зачем вы пошли на канал, который связан с именем Лужкова?

— Если бы я пошел на ВГТРК, я бы не смог говорить о московских проблемах. О Москве надо говорить на московском канале.

— Как вы относитесь к американцам после всего, что произошло?

— Раньше я думал, что американцы очень разобщенная нация, что они эгоисты, что они хотят не быть, а иметь. Я уважал их за результаты, но не очень понимал их внутренний мир. После того как я увидел их солидарность, услышал, как они держались во время горения небоскреба, я их просто люблю. Люди спускались с небоскребов, шли без истерик, крика, давки. Они оставляли место для пожарных, шли спокойно, приветливо, помогая друг другу! Но я сейчас думаю не об американцах, а о нас. Как нам вести себя в этой ситуации. Сейчас вопрос в том, чтобы мы просчитали свою позицию с точки зрения разума. Этого нам обычно не хватает.

— Вы обличали Лужкова, а он как был, так и остается на месте.

— Я много думал о Лужкове, пытался его понять. И я вижу в нем много и позитивных, и негативных качеств. Он — очень трагический человек, потому что никогда не находит то, к чему стремится. Окружение его использует. В семье, наверное, он хотел бы большей идиллии. Власть он потерял. У него есть все деньги мира, во всяком случае столько, сколько он не способен потратить, а они ему не нужны. Его сегодняшняя задача — любовь народа и любовь в памяти народной. Я помогу ему решить эту задачу.

— Кира, Архангельская студия общественного российского радио. Вас называют профессором скандала на телевидении. Это цель или способ добиться результата?

— Скандал — это производное, никакого отношения к целям не имеющее, это эмоциональная насыщенность. Когда корреспонденты приходят и спрашивают, о чем и как писать, я говорю: пишите о любви и смерти в темпоритме Deep Purple. А любовь в моем понимании включает в себя жизнь. Любовь больше жизни. И из любви и смерти проистекает решительно все, включая скандалы.

— А каково самому оказаться в центре скандала?

— Я абсолютно счастлив, это очень интересный опыт. Я наконец-то вижу, что делают с моими налогами. Я за прошлый год, например, заплатил двадцать тысяч долларов налогов. И теперь вижу, что пять месяцев люди расследуют синяки пьяного военно-морского офицера. За это время сменилось несколько следователей и бригад. Думаю, что при их небольших зарплатах они мои налоги еще не прожрали.

— Значит, ваше мнение по поводу скандалов не изменилось?

— Вы исходите из скандала как цели или скандала как результата. Я же вам говорю, что это абсолютно побочный продукт. Есть искренняя реакция на события. И поскольку я такой эмоциональный человек, я об этом говорю. Вот Церетели ставит циклопов, и они меня ранят, оскорбляют. Я — чувствительный человек, я не могу смотреть на эти чудовища. И я делюсь со зрителями своими эмоциями. Я возмущаюсь вместе с людьми.

— Михайлов Михаил из Москвы. Влияет ли телевидение на жизнь людей в России и в мире?

— Влияние телевидения на жизнь людей в России и мире несопоставимо. Европейцы гораздо более прагматичны, они старше как нация. Наши зрители более увлекающиеся люди. Телевидение в Америке — и вовсе удобство. Там в каждой семье по 900 каналов на «тарелке», и они щелк-щелк-щелк — и «Армагеддон» вылавливают или другие премьеры.

— Роберт Данилович из Уфы. Не жалко было с ОРТ уходить?

— Жалко. Хотя по большому счету мне все равно — закрыли мою передачу, открыли, но в какой-то момент я подумал: «Господи, я делаю, что мне взбредет в голову, а ребята из моей бригады как же, у них — семьи». И начал свою бригаду пристраивать. Теперь вроде у всех есть работа и зарплата.

— Вам интересно общаться с простыми людьми, вашими зрителями?

— Я постоянно общаюсь у себя на сайте www.dorenko.net.

— Будете ли вы себя чувствовать комфортно в лужковской думе?

— Для меня комфорт — не понятие удобства, а открытость и отсутствие тайных умыслов и тайных действий. Искренность, собственноручно говоря.

— Анна. Вы собираетесь возвращаться на первый канал?

— Это мой канал. Я сказал, что буду там работать, и я на него вернусь.

— Вы уже знаете, как это сделаете?

— Нет. Просто знаю, что сделаю.

— А зачем вы в Мосгордуму баллотируетесь?

— Чтобы заняться московским бедламом. Говорят, полномочия там невелики, но это — важная трибуна. Я собираюсь выволочь их на свет, говорить открыто.

— Говорить можно сколько угодно, а результат...

— Первое дело в изгнании демона — узнать и назвать его имя. Разве нет?

— Вы экзорцизмом занимаетесь уже много лет. И что изменилось?

— Меняется. Когда бизнес-группировки начали информационную войну друг против друга, я, потирая руки, сказал своим знакомым олигархам: когда мы выпороли публично ваших оппонентов за какой-то грех, он запрещен и для вас. Теперь вам не дадут это делать. Я после скуратовских развлечений приехал в администрацию Одинцовского района, там чиновник чешет себе затылок и говорит: «Так чего, теперь нельзя что ли?» Нельзя. А на свету они боятся делать то же, что делали в тени. Тени больше не будет. Зато будет битва титанов с циклопами.

— А вы кем будете?

— Титаном, конечно. Титаны побеждают.

— Оружие уже заготовили?

— Никакого, нужно спонтанно жить. Не готовиться к жизни, а жить. Жизнь — это процесс, ее результат — смерть. Если слишком долго готовиться к жизни, то результат наступит прежде собственноручно процесса.

Анна КОВАЛЕВА